УДК 343.222.1:343.14

ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ И ДОКАЗЫВАНИЯ УМЫСЛА В СЛЕДСТВЕННО-СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Шумилина О.С.

к.ю.н., доцент,

Белгородский государственный университет,

Россия, г. Белгород

Маматов В.А.

студент,

Белгородский государственный университет,

Россия, г. Белгород

Аннотация

В статье исследуются проблемы установления и доказывания умысла при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел. Рассматриваются доказательственное значение объективных обстоятельств преступления, особенности разграничения прямого и косвенного умысла, а также трудности отграничения косвенного умысла от преступного легкомыслия. Особое внимание уделяется установлению направленности умысла, оценке показаний обвиняемого и предотвращению объективного вменения. На основе уголовного и уголовно-процессуального законодательства, научных исследований и разъяснений Верховного Суда Российской Федерации определяются критерии оценки доказательств, позволяющие обосновать вывод о субъективном отношении лица к совершенному деянию и его последствиям.

Ключевые слова: умысел, доказывание, субъективная сторона преступления, прямой умысел, косвенный умысел, преступное легкомыслие, направленность умысла.

PROBLEMS OF ESTABLISHING AND PROVING INTENT IN INVESTIGATIVE AND JUDICIAL PRACTICE

Shumilina O.S.
Ph.D., Associate Professor,
Belgorod State University,
Russia, Belgorod

Mamatov V.A.
student,
Belgorod State University,
Russia, Belgorod

Abstract

The article examines the problems of establishing and proving intent in the investigation and trial of criminal cases. The article examines the evidentiary value of the objective circumstances of the crime, the features of distinguishing direct and indirect intent, as well as the difficulties of distinguishing indirect intent from criminal recklessness. Particular attention is paid to establishing the direction of intent, evaluating the testimony of the accused and preventing objective imputation. On the basis of criminal and criminal procedure legislation, scientific research and explanations of the Supreme Court of the Russian Federation, the criteria for evaluating evidence are determined, which make it possible to substantiate the conclusion about the subjective attitude of a person to the committed act and its consequences.

Keywords: intent, proof, subjective aspect of the crime, direct intent, indirect intent, criminal recklessness, direction of intent.

Установление умысла при расследовании уголовного дела нередко осложняется тем, что одинаковые по внешним признакам действия могут

свидетельствовать о различном отношении лица к общественно опасным последствиям. Поэтому необходимо установить, какие обстоятельства позволяют обоснованно судить о содержании умысла и каким образом должны проверяться альтернативные объяснения поведения обвиняемого.

Часть 1 статьи 25 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее – УК РФ) закрепляет: «Преступлением, совершенным умышленно, признается деяние, совершенное с прямым или косвенным умыслом» [1]. Для следственной и судебной практики основная трудность заключается в доказывании предусмотренных частями 2 и 3 данной статьи интеллектуальных и волевых признаков.

Наиболее распространенная доказательственная проблема связана с чрезмерным значением, придаваемым внешним признакам преступления. Д.А. Гарбатович, исследуя квалификацию преступлений против собственности, обращает внимание на ситуации, когда правоприменитель преимущественно исследует причиненный вред, «не устанавливая и не доказывая при этом субъективные признаки соответствующего состава преступления». Далее автор делает оговорку о том, что «даже при наличии в совершенном деянии всех признаков состава преступления, в частности преступлений против собственности, нельзя автоматически делать вывод о наличии общественно опасного деяния» [5, с. 89]. Такая ошибка возможна и при расследовании насильственных преступлений, когда тяжесть повреждений фактически подменяет установление отношения обвиняемого к наступившему результату.

Между тем объективные обстоятельства имеют полноценное доказательственное значение, если исследуются в совокупности и позволяют установить конкретные особенности поведения. Р.Р. Мирасов отмечает: «Таким образом, для того чтобы правильно определить форму вины и субъективную сторону преступления в целом, необходимо оценивать все обстоятельства совершенного преступления в совокупности» [8, с. 151]. В ходе совокупной оценки соответствующих обстоятельств правоприменителю необходимо

объяснить, каким именно образом каждое из них подтверждает представление лица, обвиняемого в совершении преступления, о возможном его результате.

Оценке также подлежит предшествующее поведение. К примеру, подготовка орудия преступления, высказывания о намерениях и иные действия могут свидетельствовать о направленности умысла конкретного лица на совершение преступного деяния. В то же время нельзя автоматически отождествлять угрозу причинения вреда с реальностью намерений ее практической реализации. В данном контексте С.В. Векленко и Ю.А. Шутова указывают, что подобный подход «приводит к отождествлению уголовно-правовой нормы, предусмотренной ст. 119 УК РФ, со стадией обнаружения умысла на убийство или покушением на убийство» [4, с. 63].

Разграничение прямого и косвенного умысла также представляет практическую сложность, так как предвидение возможности наступления опасных для общества последствий само по себе не свидетельствует о волевой направленности действий (бездействия) лица, хоть и характеризует его интеллектуальное отношение к соответствующему событию. Для того, чтобы установить прямой умысел, необходимо достоверными и допустимыми уголовно-процессуальным законодательством средствами подтвердить факт наличия у такого лица желания получить соответствующий результат. При косвенном умысле доказательственное значение уже приобретают обстоятельства, которые свидетельствуют о сознательном допущении последствия либо безразличном к нему отношении.

В.В. Порайко в своем исследовании «усматривает проблему субъективизма в квалификации: вина часто конструируется на основе предположений следователя или суда, а не через строгий анализ фактических обстоятельств» [9, с. 155]. Подобная ситуация возникает, когда установление осознания опасности действий рассматривается как достаточное подтверждение желания наступления определенных последствий. Между тем интеллектуальный и волевой признаки требуют самостоятельного обоснования.

Еще более существенные по своему характеру затруднения возникают при отграничении косвенного умысла и преступного легкомыслия. В соответствии с частью 2 статьи 26 УК РФ: «Преступление признается совершенным по легкомыслию, если лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение этих последствий» [1]. Исходя из содержания данной нормы следует, что основное значение приобретает установление того, действительно ли лицо рассчитывало предотвратить последствия и на чем основывался такой расчет.

С целью доказывания необходимо установить, какие конкретно обстоятельства обвиняемых принимал во внимание в процессе совершения деяния. В то же время полученное в будущем от обвиняемого объяснение относительно возможности избежать вреда не может рассматриваться в качестве достаточного доказательства, свидетельствующего о легкомыслии. Необходимо проверить, имели ли место объективные основания соответствующего расчета, а также могло ли лицо учитывать их при совершении своих действий или бездействия.

Практическое значение установления направленности умысла особенно отчетливо проявляется при разграничении убийства, предусмотренного статьей 105 УК РФ, и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть потерпевшего по неосторожности, предусмотренного частью 4 статьи 111 УК РФ. Пункт 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ)» устанавливает: «При решении вопроса о направленности умысла виновного следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, способ и орудие преступления, количество, характер и локализацию телесных повреждений (например, ранения жизненно важных органов человека), а также предшествующее преступлению и последующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения» [3].

Так, например, оказание помощи потерпевшему может учитываться при оценке субъективной стороны, однако не свидетельствует безусловно об отсутствии первоначального умысла на лишение жизни. В свою очередь, наступление само по себе наступление смерти еще не является безусловным свидетельством того, что обвиняемый желал наступления именно такого результата.

Определение момента формирования умысла представляет собой отдельную проблему. В случае, когда лицо совершает несколько последовательных действий, его отношение к возможным последствиям этих действий может существенно измениться. Именно по этой причине сведения, характеризующие первоначальные намерения, во всех без исключения случаях следует соотносить с конкретными действиями, повлекшими за собой причинение вреда. Проводимая с данной целью ретроспективная оценка, не должна приводить к переносу представлений, которые возникли после наступления результата, на момент совершения преступления. Это имеет особенно высокое значение в ситуации, когда проводится оценка показаний обвиняемого, содержание которых может значительно видоизменяться по мере получения новых сведений, указывающих на реальные последствия, наступившие в результате совершения преступления.

Показания обвиняемого представляют самостоятельный источник сведений о мотивах, целях и предполагаемых результатах его поведения. Вместе с тем часть 2 статьи 77 УПК РФ предусматривает: «Признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств» [2]. Соответственно, признание умышленного характера действий требует сопоставления с другими доказательствами, как и отрицание соответствующего намерения.

При необходимости специальных психологических знаний следует разграничивать исследование особенностей мотивационной сферы и уголовно-правовую оценку умысла. Л.Ю. Демидова и А.А. Ткаченко отмечают:

«Квалификация конкретных мотива и цели при реализации инкриминируемого деяния в рамках конкретного состава обвинения выходит за пределы компетенции экспертов» [6, с. 39]. Экспертное исследование может способствовать выяснению психологических особенностей поведения, однако окончательный вывод относительно наличия уголовно-правовых признаков умысла должен формировать уполномоченным лицом исключительно на основании оценки совокупности полученных по делу допустимых доказательств.

Особую опасность представляет подмена установления субъективной стороны объективными характеристиками деяния. Н.В. Дунямалыев, исследуя доказывание заведомости при распространении ложной информации, делает следующий вывод: «Анализ судебной практики по статьям 207.1-207.3 УК РФ выявляет тревожную тенденцию к фактической объективизации признака заведомости. Суды сталкиваются со сложностью доказывания осведомленности лица о ложности распространяемой информации. Они ограничиваются установлением факта несоответствия сведений официальным данным компетентных органов. Такой подход преобразовывает заведомость из субъективного признака в объективный критерий. Указанное преобразование нарушает фундаментальный принцип уголовного права о недопустимости объективного вменения» [7, с. 268]. Применительно к рассматриваемой проблеме принципиально важно различать установление фактической недостоверности сведений и доказательство осведомленности лица об этом обстоятельстве.

Часть 2 статьи 5 УК РФ закрепляет: «Объективное вменение, то есть уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается» [1]. В процессуальном отношении данная гарантия обеспечивается статьей 14 УПК РФ, возлагающей бремя доказывания обвинения и опровержения доводов защиты на сторону обвинения. В этой связи, если устанавливается факт наличия противоречий между объективными обстоятельствами и объяснениями

обвиняемого, следует анализировать каждую из групп сведения с целью установления причин, повлиявших на возникновение подобных несоответствий. Вывод о наличии умысла должен содержать обоснование интеллектуального и волевого отношения к конкретному результату, то есть установления характеристики наступивших последствий для соответствующего вывода недостаточно.

По итогам следует сделать вывод, что основная трудность доказывания умысла на совершение преступление заключается не в отсутствии объективных сведений о совершенном преступлении, а в установлении их реальной связи с интеллектуальным и волевым отношением лица к собственным действиям (бездействию), повлекшим наступление общественно опасных последствий. В процессе квалификации преступлений следует учитывать момент формирования умысла, не перенося последующее знание о результате на первоначальное содержание намерений конкретного субъекта. В свою очередь, показания обвиняемого и заключения судебных экспертов подлежат оценки только с учетом их доказательственного значения и ограничений, прямо обозначенных в уголовно-процессуальном законодательстве. С целью совершенствования правоприменительной практики представляется целесообразным последовательное разграничение доказанных фактических обстоятельств и выводов, свидетельствующих о субъективном отношении лица, а также обязательная проверка альтернативных объяснений его поведения и самостоятельная мотивировка, применяемая в отношении каждого признака умысла, обладающего юридическим значением. Такой подход позволяет предотвращать объективное вменение без необоснованного ограничения возможностей использования косвенных доказательств.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

3. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 (ред. от 03.03.2015) // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. – URL: https://vsrf.ru/files/11328/ (дата обращения: 21.10.2026).

4. Векленко, С.В., Шутова, Ю.А. Особенности целеполагания при угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью / С.В. Векленко, Ю.А. Шутова // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2024. – Т. 15. – № 1 (55). – С. 60-67.

5. Гарбатович, Д.А. Общественная опасность преступлений против собственности: законодательный и правоприменительный аспекты / Д.А. Гарбатович // Российское правосудие. – 2026. – № 2. – С. 84-95.

6. Демидова, Л.Ю., Ткаченко, А.А. Категории мотива и цели в уголовном праве и судебной психологии / Л.Ю. Демидова, А.А. Ткаченко // Психология и право. – 2025. – Т. 15. – № 1. – С. 29-43.

7. Дунямалыев, Н.В. Заведомость как обязательный признак преступлений, связанных с публичным распространением ложной информации: актуальные проблемы применения статей 207.1-207.3 УК РФ / Н.В. Дунямалыев // Демидовский юридический журнал. – 2026. – Т. 16. – № 3. – С. 262-269.

8. Мирасов, Р.Р. Обстоятельства преступления, позволяющие устанавливать форму вины / Р.Р. Мирасов // Защита жертв преступлений в современном обществе : материалы VIII Международной научно-практической конференции. – 2025. – С. 145-152.

9. Порайко, В.В. Учение о вине в новейших уголовно-правовых диссертационных исследованиях / В.В. Порайко // Евразийская адвокатура. – 2026. – № 2 (79). – С. 153-160.